

Институт
лингвистических
исследований
РАН

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Языки соседей: мосты или барьеры?

Проблемы двуязычной коммуникации

Сборник статей

Ответственный редактор
Николай Вахтин

Санкт-Петербург 2011

УДК 316.33
ББК 60.56
Я41

Я41 Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации : сборник статей / отв. ред. Н. Б. Вахтин. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 308 с.

ISBN 978-5-94380-125-9

Настоящий сборник представляет результаты работы международного коллектива авторов. Вошедшие в сборник статьи посвящены дискурсу-анализу коммуникации двуязычных носителей, анализу коммуникативных ситуаций и символических аспектов двуязычия. Кроме ситуаций, связанных с русско-финским двуязычием, рассматриваются и некоторые другие языковые ситуации.

Сборник адресован профессиональным лингвистам, преподавателям и студентам филологических факультетов, интересующимся социолингвистикой, проблемами изучения двуязычия и методами анализа дискурса.

УДК 316.33
ББК 60.56

Сборник подготовлен в рамках совместного проекта РГНФ и Академии Финляндии (№ 09-04-95206а/Ф) «Функционирование русского и финского языков в качестве *лингва франка*» и издан на средства данного проекта.

Руководители проекта: *Арто Мустайоки, Николай Вахтин.*

Российская часть проекта финансировалась РГНФ в 2009–2011 гг. и осуществлялась при содействии Института лингвистических исследований РАН.

В оформлении обложки использована фотография Ю. Вымятниной.

© Авторы, 2011
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2011

ISBN 978-5-94380-125-9

Содержание

От редактора	5
Раздел 1. Двухязычная коммуникация: анализ дискурса	9
<i>Арто Мустайоки. Почему общение на лингва франка удается так хорошо?</i>	<i>10</i>
<i>Ольга Пуссинен. Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально непервого</i>	<i>32</i>
<i>Мерья Пиккарайнен. Разговор на неродном языке: совместная деятельность участников при построении разговора</i>	<i>70</i>
<i>Илона Саммалкорпи. Переключение кодов при коммуникации между учениками в двухязычной школьной среде</i>	<i>107</i>
<i>Ану Репонен. Конструирование выражения оценки урбанонимов в речи русских в Финляндии</i>	<i>118</i>
Раздел 2. Двухязычная коммуникация: анализ ситуации	133
<i>Татьяна Гаврилова, Капитолина Федорова. Лингвистические стратегии носителей русского языка при коммуникации с различными иноязычными собеседниками</i>	<i>134</i>
<i>Екатерина Протасова. Особенности неродного русского в туристической сфере</i>	<i>164</i>
<i>Николай Вахтин. Стереотипные представления об общении между носителями разных языков: финско-русские и русско-финские разговорники</i>	<i>203</i>
<i>Ирина Бугаёва. Язык богослужения в православных храмах Финляндии</i>	<i>235</i>
<i>Татьяна Гаврилова. Puhutko suomea?</i>	<i>247</i>

Раздел 3. Двухязычная коммуникация: символические аспекты	259
<i>Ирина Бахмутова. Символическая функция диалекта Plautdietsch в сообществах российских немцев-меннонитов в Германии.....</i>	260
<i>Наталья Бичурина. Окситания и Арпитания: модели создания «новых романских языков» и трансграничных общностей</i>	279
<i>Татьяна Богомолова. «Славянское единство» как основа для лужицкой идентичности: особенности выбора языков в условиях славяно-германского многоязычия (на примере летних курсов лужицкого языка и культуры)</i>	292
Сведения об авторах	307

Почему общение на лингва франка удается так хорошо?

Общеизвестно, что различия в картине мира (образе мира, когнитивной базе) собеседников могут угрожать успеху коммуникации. В последние годы везде в мире, в том числе и в России, стало публиковаться большое количество пособий, цель которых — уменьшить затруднения в коммуникации между представителями разных культур, обращая внимание на несходства между ними (Гудков 2003; Привалова 2005; Леонтович 2005, 2007 и др.). Многие из названных трудов содержат, среди прочего, теоретические рассуждения о свойствах и параметрах межкультурной коммуникации; в ряде других работ вопрос рассматривается с точки зрения обучения межкультурной коммуникации (например, Тер-Минасова 2004; Прохоров 2006; Пассов и др. 2007; Гетьманенко 2010). Отдельно стоит упомянуть работы И. А. Стернина, собранные в издании (Стернин 2008), в которых предложена строгая таксономическая система для сопоставления коммуникативного поведения разных народов. Есть и множество исследований, посвященных коммуникативным неудачам в межкультурной коммуникации (Banks et al. 1991, Bührig, ten Thije, eds. 2006; Kaur 2011; Roziņa 2011).

Значимость общности культурного фона для успешной коммуникации нельзя оспорить. С другой стороны, существуют и обратные мнения и наблюдения, исходящие из разных источников:

- В работах по межкультурной коммуникации (Sarangi 2009; Shea 2009) приведены аргументы, показывающие, что неудачи в межкультурной коммуникации далеко не всегда вызваны различиями в картинах мира; возможно, в их основе лежат другие факторы, в частности, отношения между собеседниками.
- Лингвисты, занимающиеся исследованиями английского языка в качестве *лингва франка* (House 2003, Mauranen 2006b и др.), на основе рассмотрения конкретных речевых материалов сделали интересное наблюдение: в разговоре между носителями разных языков на неродном для них языке встречается удивительно мало коммуникативных неудач.

- Веский аргумент в пользу относительности значения культурных факторов в коммуникации мы находим в классической работе О. П. Ермаковой и Е. А. Земской (1993). Хотя данному анализу причин коммуникативных неудач скоро уже двадцать лет, одна деталь статьи осталась до сих пор незамеченной: авторы обнаружили, что коммуникативные неудачи встречаются так же часто в домашних условиях, как и в разговоре с иностранцем.

Цель настоящей работы — сделать попытку ответить на вопрос, поставленный в заглавии: почему общение на *лингва франка* удается, несмотря на культурные различия в установках собеседников, так хорошо? До того как ответить на этот вопрос, рассмотрим основные термины, понятия и взгляды, связанные с данной проблематикой.

Категории носителей и неносителей языка

Если общение на *лингва франка* понимается нами как общение на иностранном для обоих собеседников языке, т. е. как общение неносителей данного языка между собой, мы должны сначала вникнуть в понятие «носитель языка». Определение того, кто является носителем языка *X*, а кто нет, далеко не ясно (Davies 2003; Мустайоки, Протасова 2004); ср. также новый «интеграционный» подход к вопросу в работе (Weigand 2010). Кроме носителей литературного языка существуют разные категории людей, говорящих на «нечистом языке». Поэтому мы будем для обозначения первого случая прибегать к термину *стандартный язык* (СЯ, ср. Mustajoki et al., eds. 2011), поскольку он меньше ассоциируется с кодификацией языка в письменном его употреблении, чем термин *литературный язык*.

Носители русского языка, говорящие не на СЯ, а «иначе», подразделяются на следующие группы (ср. Mustajoki 2010):

- 1) дети, которые еще не усвоили СЯ;
- 2) пожилые люди, потерявшие полное владение СЯ;
- 3) люди с тем или иным дефектом речи;
- 4) люди, говорящие на диалектах;
- 5) люди, умеющие говорить только на просторечии;
- 6) русские эмигранты, носители языка, у которых в языке появились черты, не свойственные СЯ;
- 7) носители русского языка, живущие в ближнем зарубежье.

Седьмая группа носителей русского языка вызывает среди русистов постоянные споры о том, нужно ли такой язык считать вариантом русского языка, или он еще не отклонился от стандартного (правильного) языка в достаточной для этого степени (см., например, Млечко 2011). Это, скорее всего, вопрос терминологический. Важно отметить, что данная разновидность языка содержит элементы, позволяющие утверждать, что эти люди говорят иначе, чем носители языка, живущие в России.

Категория *неносителей* языка не менее гетерогенна. На компетентность говорения на иностранном языке существенно влияет то, как человек выучил данный язык — в школе, в быту или от родителей или бабушки. Соответственно, в английской литературе употребляются термины *school language*, *contact language* и *heritage language* (ср., например, Protasova 2008). Есть, конечно, и разные комбинации этих способов овладения иностранным языком: человек проходит разные курсы русского языка (школа), а также употребляет его на работе и/или вне нее (быт).

В целом для определения уровня владения языком можно выделить следующие фазы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Уровни владения языком

Уровни владения языком	Типичные языковые элементы
1. Знание языка на бытовом уровне: умение справляться с ежедневными коммуникативными ситуациями (покупки, заказ еды в ресторане, знакомство, основные сведения о себе и т. п.)	Основные фразы речевого этикета, некоторые типовые синтаксические структуры, ограниченный набор лексики (в основном существительные)
2. Знание языка на содержательном уровне: умение обсуждать содержательно те или иные темы (политические, философские, профессиональные вопросы)	Широкий диапазон лексики по отдельным темам, все основные структурные схемы языка
3. Знание языка на социальном уровне: умение участвовать на равных в коммуникации с носителями языка	Нюансы интонации, модальные частицы, большое количество прилагательных; тонкое знание прагматических правил

Язык иностранца, содержащий те или иные недостатки, принято называть терминами *interlanguage* и *interlingua*. Когда подчеркивается процесс обучения данному языку, употребляется

термин *learner's language*. Все эти термины исходят из сопоставления языка иностранца с языком носителей языка. При таком подходе в центре внимания находятся ошибки и отклонения от СЯ в речи неносителя языка. В последнее время более популярным стал иной подход, основывающийся на принципе вариативности: согласно этому подходу, *носители* и *неносители* языка образуют континуум, а не дихотомические классы. Действительно, у всех людей есть ограничения и недостатки во владении родным языком; так, бизнесмены или ученые иногда более успешны в профессиональном общении на иностранном для них языке, чем рядовые носители данного языка.

Выбор средства коммуникации

Стандартной ситуацией общения можно считать такую, в которой людям, хорошо знающим друг друга, не надо вдумываться, при помощи какого средства коммуникации они будут контактировать. Однако в наше время глобализации нередки и такие ситуации, где собеседники должны сначала решить, как поступить в новой для них ситуации. Когда А и В, носители двух языков, встречаются, у них имеются следующие варианты организации общения (ср. Алпатов 2000: 15–20; Mustajoki 2010: 43–50):

1. Из-за отсутствия общего средства общения они вообще не вступают в общение.
2. Они используют только невербальные средства общения (жесты, рисунки и т. п.).
3. Они прибегают к услугам переводчика.
4. Они говорят каждый на своем родном языке (что возможно, если А и В — носители близкородственных языков, или если А выучил язык В, или наоборот).
5. Они употребляют один из языков А или В (что возможно, если носитель языка А владеет языком В или наоборот).
6. Они употребляют третий язык, язык-посредник (*лингва франка*).
7. Они создают свой смешанный язык (пиджин).

На выбор стратегии коммуникативного поведения влияет множество факторов; основными из них являются набор языков, которыми потенциальные собеседники владеют, и степень необходимости общения. Если потребность в общении невелика, можно и не вступить в разговор (стратегия 1), а если контакт с иностранцем имеет большое значение для обеих сторон и эта ситуация про-

должается долго, возможно создание пиджина (стратегия 7). Кроме уже известных пиджинов, основывающихся на русском языке (русско-китайский, *russe-norsk*, говорка), недавно зарегистрирован и русско-финский пиджин (Перехвальская 2008). Русский язык широко употребляется и при стратегиях 4 и 5, однако исследований особенностей такого русского языка пока мало.

В этой статье нас интересует употребление русского языка в качестве *лингва франка* (стратегия 6). Такой русский язык непременно имеет сходства с русским языком в других контекстах межкультурной коммуникации, но, как будет показано ниже, имеет и свои специальные особенности.

Английский язык как *лингва франка* (ELF)

В наши дни самым распространенным языком международного общения, очевидно, является английский. Поэтому неудивительно, что ELF (английский язык как *лингва франка*) вызвал интерес и у лингвистов. Созданы, в частности, корпуса, состоящие из транскрибированных записей бесед, в которых участвуют только носители языка (Mauranen 2006a), организуются конференции, посвященные этой тематике, есть журнал *Journal of English as a Lingua franca*. Фоном для изучения ELF служит существование ряда национальных вариантов английского языка как родного, так называемых *World Englishes* (Seidhofer 2009). Принято выделять, вслед за работой (Kachru 1985), три сферы употребления английского языка:

- внутренний круг (*inner circle*): страны, в которых английский язык является первым государственным языком (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия);
- внешний круг (*outer circle*): страны, в которых английский язык играет важную государственную роль (Индия, Бангладеш, Пакистан, Филиппины, Кения, Гана, Южная Африка, Нигерия, Танзания и др.);
- расширенный круг (*expanding circle*): страны, в которых английский язык широко употребляется как иностранный язык или как *лингва франка*; в современном мире это практически все остальные страны мира.

Качру характеризует данные «круги» употребления английского языка с точки зрения их роли в определении нормы языка.

Согласно Качру, расширенный круг, в отличие от других, является зависимым от нормы (norm-dependent), т. е. не играет собственной роли в формировании нормы языка. Здесь автор явно еще не осознал мощного потенциала ELF, который стал, правда, стихийным и ненормализованным, но самостоятельным и сравнительно независимым вариантом английского языка. Это не «язык студента», который стремится к совершенному владению языком, а полноценное средство коммуникации с чертами, свойственными всем языкам (Dewey 2009: 78–81).

Проявление понятия ELF привело к важному сдвигу в теории разных форм существования языка. Если в языке студента отклонение от нормы британского или американского варианта английского языка считалось ошибкой, то в изучении ELF те же самые явления принимаются как естественные свойства данной разновидности английского языка.

ELF представляет собой не монолитное явление, а предполагает, подобно другим вариантам английского и любого другого языка, наличие вариативности и неустойчивости. Однако исследования речи иностранцев, прекрасно владеющих английским языком, показали, что, независимо от того, какой язык для них является родным, в их речи повторяются определенные особенности, которые по нормам английского языка следует считать ошибками. Это, например, следующие черты (см. Seidlhofer 2006; Cogo, Dewey 2006):

- Опускание окончания третьего лица *-s*: *he want to see you*.
- Смешение местоимений *who* и *which*: *a person which, a book who*.
- Путаница в употреблении определенных и неопределенных артиклей и опущение артикля.
- Неправильное употребление «tag-вопросов» (например, *isn't it?* или *no?* вместо *shouldn't they?*).
- Употребление предлогов там, где они не нужны, и в особенности предлогов типа *about*, например, *to study about English; to comment about weather*.
- Слишком частое употребление глаголов с обобщенным значением типа *do, have, make, put, take*.
- Избыточная эксплицитность: *how long time* вместо *how long*.
- Предпочтение инфинитива деепричастному обороту: *I look forward to see you tomorrow* вместо *I look forward seeing you tomorrow*.

Само явление ELF далеко не новое: оно восходит к временам колонизации (Canagarajah 2006). Однако быстрое распро-

странение употребления английского в «расширенном круге» делает вопрос о его роли вопросом мирового масштаба. Исследование ELF как научная поддисциплина тоже пока еще ищет свое место и признание в ученом мире¹. На фоне этого не удивительно, что многие вопросы остаются предметом интенсивной дискуссии.

Одной из дискуссионных тем является статус ELF: следует ли считать его полноценным языком, которому можно и нужно обучать людей, или нежелательным отклонением от «настоящих английских языков» (см. например: Canagarajah 2006). Давид Граддол (Graddol 2006) видит в распространении ELF и расширении знания английского языка опасную перспективу: носители языка постепенно теряют свои позиции, уступая носителям других языков, свободно говорящим и по-английски, и на своих родных языках.

О роли русского языка как лингва франка

Говоря о русском языке как *лингва франка* (ЛФ), следует сразу отметить, что в русской лингвистической традиции термин *лингва франка* употребляется в этой связи не во всех контекстах; помимо него часто фигурирует и термин *язык-посредник*. Особенно это касается советского времени. В западной лингвистической традиции ЛФ считается любой «третий» язык-посредник, с помощью которого общаются люди, носители иных языков. По отношению к русскому языку можно выделить четыре основные сферы его употребления в качестве ЛФ.

1. Начнем с исторического положения русского языка. В советское время он служил языком межнационального общения и употреблялся как в официальных контекстах, так и в повседневной жизни в качестве языка-посредника для миллионов людей. Поскольку русские составляли самую большую группу жителей Советского Союза, во многих коммуникативных ситуациях один

¹ Среди чисто лингвистических вопросов в рамках ELF исследуются, в частности, акценты носителей других языков с точки зрения их приемлемости или «некрасивости» (Jenkins 2009). Элина Ранта (Ranta 2009) обращает внимание на то, что ELF меньше отличается от «настоящих английских языков», чем иногда думается; неправильное (и иногда негативное) представление об ELF основывается на том, что он сопоставляется не с реальной устной речью носителей языка, а с письменными текстами или с мифом об идеальной устной речи.

из собеседников был носителем русского языка, т. е. коммуниканты принимали стратегию 5. Однако число людей — носителей русского языка, регулярно говорящих с другими носителями языка по-русски, — было весьма большим, одним из самых больших в истории употребления разных ЛФ в мировой истории. Некоторую параллель с современной ситуацией относительно английского языка можно видеть в том, что многие носители русского языка владели этим языком почти в совершенстве, так что к ним можно было бы применять английский термин *near-native speaker*. Языковая политика и положение разных языков в советское время подробно описаны в ряде работ (в частности, Алпатов 2000; Grenoble 2003).

2. Русский язык все еще имеет сравнительно прочное положение во многих бывших советских республиках (см. например, Лазутова и др. 2002; Андреева, Хруслов 2004; Pavlenko 2008a, 2008b; Vershik 2010). Во многих бывших республиках, а также в некоторых регионах России русский язык играет роль ЛФ в условиях, когда нет другого общего языка. Любопытный пример являет собой Дагестан, где живут носители более чем 25 разных языков, 14 из которых имеют статус государственных. Дагестанский вариант русского языка играет для большинства из них роль ЛФ (Добрушина 2007).

3. Третьим пластом употребления русского языка как ЛФ можно считать общение многих иммигрантов и приезжих в больших русских городах, особенно в Москве. В основном это строители и мелкие торговцы (бизнесмены) разного рода. Это более случайные коммуникативные встречи, чем примеры, отмеченные в предыдущем пункте, но повод для ЛФ такой же: для коммуникации нужен общий язык, и ломаный русский язык, как правило, — единственное возможное для всех средство коммуникации. Так, на улицах, стройках и рынках Москвы можно слышать, как носители азербайджанского и киргизского языков говорят между собой по-русски.

4. Как отдельный пласт употребления русского языка в качестве ЛФ можно выделить соответствующие условия его применения вне России и Ближнего Зарубежья. Это происходит там, где скапливается много приезжих из разных бывших советских республик или стран Восточной Европы. В таких условиях русский язык служит не только средством коммуникации, но и важным социализирующим фактором, с помощью которого зарубежные наемные работники, гастарбайтеры, студенты, иммигранты мо-

гут проявить по отношению друг к другу солидарность в чужой для них среде (ср. Artekar 2007: 25).

Итак, русский язык употребляется в качестве ЛФ в различных условиях. Как люди говорят в таких коммуникативных ситуациях, пока мало изучено.

Модель коммуникации

Чтобы оценить значение разных факторов для успешности коммуникации, остановимся коротко на схеме 1 (см. подробнее Mustajoki 2008, Мустайоки 2011).

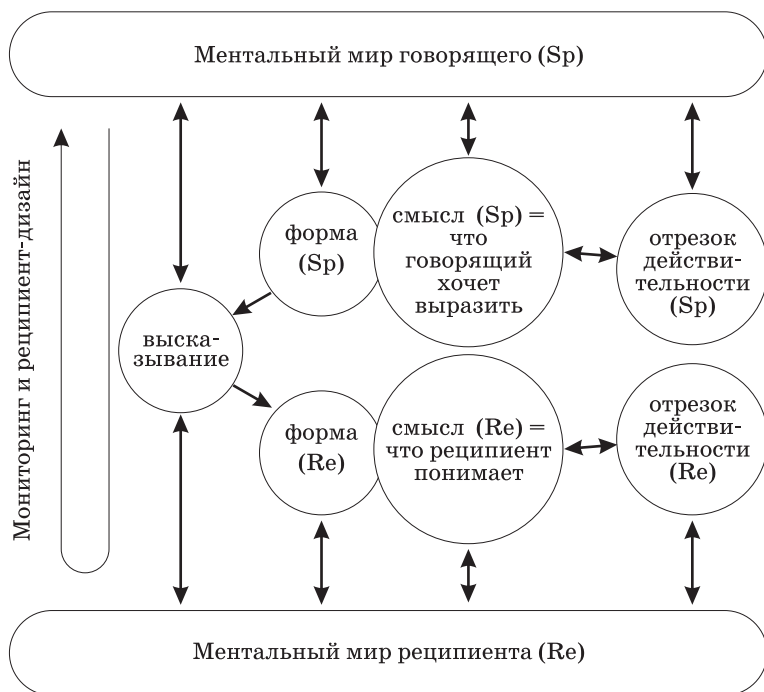

Схема 1. Схематизация разных элементов коммуникации

Рассмотрим сначала основные элементы процесса коммуникации с позиции реципиента. Любое высказывание тем или иным образом связано с действительностью, более конкретно — с ее фрагментом. Действительность — это не только реальный мир;

одинаково часто мы говорим и о наших чувствах и ощущениях (внутренний мир), и о наших планах, мечтаниях, желаниях, снах (виртуальный мир) (ср. Мустайоки 2004). «Смысл», или то, что мы хотим выразить, нередко имеет достаточно неопределенный облик в наших мыслях. Таким образом, смысл обычно «больше», чем слова, рассказывающие о нем. Выбрав языковую форму для данного смысла, говорящий порождает высказывание. Здесь существует риск затруднить понимание, если он делает в речи ошибку, то есть говорит не то, что думает, что говорит.

Правильное произношение высказывания не гарантирует того, что оно будет правильно воспринято реципиентом. Из-за шума он может не расслышать сказанное, или у него может отсутствовать мотивация слушать говорящего. Если реципиент слышит высказывание только частично, он может дополнить нерасслышанное своими догадками — явление, весьма распространенное в устной коммуникации. Это доказывает, что восприятие является активным процессом.

Если все идет благополучно, реципиент воспринимает форму точно так, как хотел ее выразить говорящий. Потом наступает следующая опасная с точки зрения успешности коммуникации фаза: реципиент декодирует форму в смысл. Риск коммуникативной неудачи растет, если говорящий прибегал к формулировке смысла, содержащей элементы криптолической речи (непрямые выражения, образность, метафоры, остроумные, нестандартные выражения, свойственные только узкому кругу лиц или идиолекту, иронии, диффузные понятия и т. п.) или многозначности (синтаксическую или лексическую омонимию). Частотная коммуникативная неудача скрывается в референции: говорящий может иметь в виду другого *Игоря*, другой *вход в метро* или другой *понедельник* — не те, что имеет в виду реципиент, толкуя его высказывание.

Как показывают стрелки на схеме, ментальные миры говорящего и реципиента оказывают влияние на все фазы процесса коммуникации. Ментальный мир представляет собой не какое-то единое целое, а складывается из разных взаимосвязанных частей: (а) *коммуникативная способность*, которая состоит из всего того, что человек усвоил, употребляя язык(и) в течение своей жизни; (б) *культурный фон*, т. е. знания об истории, традициях и современности данного социума, зафиксированные в пресуппозициях, стереотипах, скриптах, сценариях и других устойчивых элементах нашего мировоззрения; (в) *когнитивная система человека*,

содержащая особые прирожденные штампы мышления; (г) *отношения между собеседниками*; (д) *эмоциональное и физиологическое состояние* (усталость, болезни, радостное настроение и т. п.); (е) *контекстуальные элементы*, т. е. то, что происходит вокруг собеседников и что произошло в их жизни перед моментом коммуникации. Все отмеченные факторы оказывают влияние на то, как мы говорим и как мы воспринимаем речь в роли реципиентов.

На схеме 1 показан еще один важный для коммуникации фактор: мониторинг и реципиент-дизайн. Слово *дизайн* может дать носителю русского языка неправильное представление о значении термина; под ним имеется в виду приспособление речи к реципиенту; другой возможный термин — *учет фактора слушателя*. В англоязычной литературе употребляются также термины: *audience design, accomodation, adaptation, convergence* (см., например: Sacks, Schegloff 1979; Bell 1984; Yläanne-McEwen, Coupland 2000). За этими понятиями стоит принцип кооперативности, один из постулатов Грайса: согласно нормальным требованиям общения, говорящий должен сотрудничать с собеседником и учитывать его потребности. Во многих случаях, например, когда говорящий хочет достичь через речь тех или иных персональных целей, такой подход к речи выгоден и ему.

Итак, наше первое наблюдение заключается в том, что реципиент-дизайн как таковой восходит к эгоцентричным целям говорящего. Однако, согласно исследованиям ряда психолингвистов (в частности, Keysar, Henly 2002; Kecskes 2008; Shintel & Keysar 2009), люди далеко не всегда способны и готовы осуществлять реципиент-дизайн. Они могут иметь, в частности, следующие мотивы: (1) *избегание когнитивных усилий*: на тщательный мониторинг и учет возможных качеств слушателя тратится когнитивной энергии больше, чем на говорение, которое игнорирует реципиента; (2) *иллюзия общего когнитивного мира* (common ground fallacy): говорящий думает, что ментальный мир реципиента совпадает с его ментальным миром в такой степени, что реципиент-дизайн не нужен; (3) *неосознанность своей собственной речи*: говорящий не осознает неясности и (или) многозначности своей речи; (4) *состояние сильного эмоционального переживания*, мешающее адекватному выражению своих мыслей. Кроме названных факторов, можно добавить провалы в реципиент-дизайне, проявляющиеся в том, что реципиент не слышит или не слушает речь собеседника.

Особенности общения на ЛФ с точки зрения рисков коммуникации

Рассмотрим теперь, в свете приведенной схемы, некоторые особенности общения на ЛФ. Как было сказано выше, различия в ментальных мирах обязательно образуют риск для успешности коммуникации. Однако наличествует целый ряд обстоятельств, существенно снижающих риск коммуникативных неудач. Останемся на некоторых из них.

1. Относительность различий в ментальных мирах. Первое, на что стоит обратить внимание, — это относительность различий в ментальных мирах у людей, говорящих на разных языках. Родной язык, принадлежность к тому или иному этносу, место, где вырос человек, безусловно, составляют важную часть нашего ментального мира. Так, общение на ЛФ (как и общение с носителями другого языка с использованием других стратегий) создает определенный риск для понимания. Однако существует много других факторов, играющих не менее важную роль в ментальном мире любого человека, как то: пол, возраст, семейное положение, сексуальная ориентация, религия (включая разные секты), политическая или идеологическая направленность, профессия, место работы, разные увлечения и хобби, субкультуры, культурные интересы (что читает и смотрит человек, на какие мероприятия ходит), жизненный опыт (какие страны и регионы видел) и т. п. (ср. Clark 1996: 103). Все названные вещи влияют на то, как человек говорит, что он знает и чего не знает. Кроме того, основные составляющие ментального мира человека (язык, этническая принадлежность, местоположение) разбиваются на более мелкие категории (например, диалектный ареал, дихотомия «горожане — деревенские жители» и т. п.), достаточно сильно влияющие на ментальный мир человека. Из всего этого следует, что своего рода межкультурная коммуникация часто имеет место также между представителями одного и того же народа, если собеседники принадлежат к разным возрастным, профессиональным, субкультурным и т. п. группам. Общеизвестно, что общение между русским и американским математиками происходит более гладко, чем между русским математиком и русским историком. Разговор энтузиастов или любителей любого типа (гольфистов, филателистов, дачников и т. д.) изобилует понятиями и словами, неизвестными людям, не занимающимся этими делами.

2. Значение реципиент-дизайна. Как мы выяснили, реципиент-дизайн играет весьма важную, иногда решающую роль в процессе понимания. Умело осуществляемый реципиент-дизайн может компенсировать различия в ментальных мирах. Учитывая своего собеседника, говорящий заранее предвидит возможные проблемы в понимании своей речи реципиентом и приспособливает высказывание к его ментальному миру. Исследователи заметили, что люди, говорящие на ЛФ, особенно чувствительны к таким потребностям. Филипсон (Phillipson 2003: 167) дает этому явлению следующее объяснение: «In many international *fora*, competent speakers of English as a second language are more comprehensible than native speakers, because they can be better at adjusting their language for people from different cultural and linguistic backgrounds». Доказано, что наше интуитивное устройство, определяющее потребность в осуществлении реципиент-дизайна, начинает работать только в условиях, когда различия между собеседниками достаточно очевидны, но не используется, если различия между собеседниками менее ощутимы. Когда лицо нет явных индикаторов различий в ментальных мирах собеседников, говорящий склонен опираться на свои собственные знания и мировоззрение (Holtgraves 2005; Kruger et al. 2005; Epley 2008).

3. Принятие риска. Один из факторов, определяющих наше коммуникативное поведение, — это принятие риска, которое проявляется в том, что мы более смело прибегаем к разным криптическим приемам речи (см. выше). Такая манера речи не случайна, она имеет свои цели, придавая разговору дружеский и интимный характер. Говоря так, собеседники выражают друг другу близость и симпатию. Группа исследователей (Poteet et al. 2008: 4–5; ср. Howe et al. 2009) приводит интересный пример того, как это происходит в условиях армии и какими могут быть последствия такой манеры говорения. Объектом исследования были разговоры между американскими и британскими солдатами в условиях военных учений. Чтобы не быть слишком официальными, а наоборот, показывать дружеское расположение к своим заокеанским коллегам, они часто употребляли сленговые и жаргонные выражения. Авторы статьи приводят конкретные примеры подобного языкового поведения, например, такой: британский солдат говорит, что нужно было бы составить для совершенствования определенных операций *Idiot's Guide*. Данное выражение не имеет никаких негативных коннотаций в британском

армейском жаргоне, но американский коллега воспринимает его как унижение для себя.

4. Ориентация на коммуникацию. Исследователи ELF подчеркивают коммуникативный характер начала общения на ЛФ (House 2003; Hülmbauer 2009). Такое утверждение может показаться странным, ведь успешная коммуникация всегда является главной целью общения. Однако такая характеристика общения на ЛФ оправдана, поскольку в других условиях на манеру коммуникации влияет и множество других факторов, в том числе забота говорящего о том, *как* он говорит. Участники общения на ЛФ так комментируют свой тип говорения: «We don't take, you know, the right way. We just take the way that we think that you will understand» (Hülmbauer 2009: 324). Здесь скрывается особое свойство ЛФ по сравнению с такими межкультурными встречами, в которых присутствует и носитель данного языка (стратегия 5). Таким образом, можно говорить об особом факторе ЛФ (ср. Kecskes 2007; Firth 2009).

Сопоставление разговора на ЛФ с общением в домашних условиях

Для того чтобы показать особенности общения на ЛФ, сопоставим его с внутрисемейным общением (общением в домашних условиях). Определим данные типы дискурса следующим образом. Из трех уровней говорения возьмем второй, т. е. содержательные разговоры на конкретные темы. Первый уровень, или ситуации обслуживания, и третий уровень, или повседневные условия жизни, в принципе тоже весьма интересные сферы употребления ЛФ, но мы знаем о них пока мало (по поводу третьего уровня см., однако, Gundacker 2010). Под «домашними условиями» подразумевается диалог между супругами. С точки зрения проведения диалога взятые для анализа типы дискурса (жанры речи) по многим параметрам представляют собой противоположные случаи. Источником для описания служат, с одной стороны, тексты на ELF, а с другой стороны, материалы из работы (Ермакова, Земская 1993); в обоих случаях материалы дополнены наблюдениями автора. То, что сопоставляемые формы общения относятся к разным языкам, не имеет значения, поскольку анализ касается не конкретных языковых форм, а общих черт дискурса.

В таблице 2 показаны общие черты данных условий коммуникации, в таблице 3 приведены их языковые характеристики.

Таблица 2. Характеристики ситуации общения на ЛФ и ситуации общения в домашних условиях

	<i>Общение в домашних условиях</i>	<i>Общение на ЛФ</i>
Общая характеристика коммуникативной ситуации	Самая будничная ситуация (свободное время, расслабленная атмосфера); это приводит к тому, что нет мотивации для дополнительных усилий при коммуникации	Особая ситуация; собеседники перешли уже один порог, вступив в разговор; у них сильная мотивация к взаимопониманию
Цель коммуникации	Цели коммуникации варьируются (передача информации, желание иметь слушателя, демонстрация близости и интимности)	Сосредоточенность на передаче информации
Условия коммуникации	Меняющиеся условия коммуникации (собеседники могут одновременно работать, находиться в разных комнатах и т. п.); это влечет за собой неслышание и неслушание	Обычно ситуация «лицом к лицу» (face to face) с ориентацией только на коммуникацию. Мало возможностей не слышать и не слушать
Осознание общности ментального мира	Собеседники имеют много общего, факт, который приводит к иллюзии общего ментального мира	Нет иллюзии общего ментального мира, поскольку культурный фон у собеседника явно иной
Фактор вежливости	Нет особой потребности в вежливости	Ситуация предполагает соблюдение правил вежливости, в том числе сосредоточенность на том, что собеседник говорит

Таблица 3. Характеристики языковых особенностей общения на ЛФ и общения в домашних условиях

	<i>Общение в домашних условиях</i>	<i>Общение на ЛФ</i>
Объем языковых средств	Использование всех возможных структурных и словарных свойств языка в рамках коммуникативной компетенции собеседников	Ограниченный выбор языковых средств. Частично это вызвано неполным знанием языка, частично тем, что говорящие для обеспечения понимания стараются выбирать простые варианты
Артикуляция	Порой вялая артикуляция	Как можно более тщательная артикуляция (foreigner talk)
Тематика разговора	Широкая вариация тем разговора (от мелких вещей до глубоких чувств)	Обычно ограниченный круг тем разговора, знакомых собеседникам
Прямота речи	Широкое употребление непрямой речи (намёков и т. п.)	Использование только прямых средств коммуникации
Активность реципиента	Смелое угадывание неслышанного	Для угадывания неблагоприятные условия

Выводы

Подытоживая сказанное выше, можно попытаться ответить на заданный в заглавии вопрос, а именно: почему общение на ЛФ удается так хорошо?

1. Разные ментальные миры собеседников представляют собой, безусловно, явный риск для взаимопонимания. Однако эти трудности можно преодолеть с помощью интенсивного рециент-дизайна, т. е. эффективного приспособления речи к слушателю.
2. В коммуникативную компетенцию большинства людей входит умение осуществлять рециент-дизайн, но по разным причинам это часто не получается. Люди могут при быстром темпе общения забывать про это; у них может быть неправильное

представление о ясности и простоте своей речи; им может не хватать мотивации для такого дополнительного когнитивного усилия.

3. При общении на ЛФ у собеседников имеются благоприятные условия для реципиент-дизайна:
 - ситуация равномерная и демократичная, поскольку никто не говорит на родном языке;
 - собеседники перешли уже один барьер, приступив к разговору на иностранном языке;
 - как правило, у собеседников есть сильная мотивация для взаимопонимания;
 - ситуация неблагоприятна для принятия риска, собеседники избегают использования неоднозначных средств общения.
4. В домашних условиях образуется замкнутый круг: близость делает возможным принятие риска, которое ведет к близости. В общении на ЛФ в определенном нами типе разговора собеседники придают много значения ясности речи; это ведет к тщательному реципиент-дизайну.

Для Хомского и других кабинетных лингвистов (*armchair linguists*), смотрящих на язык глазами идеального носителя языка, ЛФ не представляет интереса. Зато для лингвистов, считающих своим долгом изучение реальной коммуникации между людьми, ЛФ представляет важную разновидность употребления языка как с теоретической, так и с практической точек зрения. Что касается исследования русского языка как ЛФ, мы делаем здесь только первые шаги. Чтобы продвинуться вперед в его изучении, мы должны собрать соответствующие материалы. На основе таких материалов можно уточнить представленные выше выводы об особенностях общения на ЛФ, а также дать лингвистический анализ русского языка как ЛФ и сопоставить его черты с ELF, развив тем самым общую теорию ЛФ.

Литература

- Алпатов, В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт + ИВ РАН, 2000.
- Андреева, И. В., Хруслов, Г. В.* Функционирование русского языка в странах СНГ и Балтии. М.: Институт русского языка им. Пушкина, 2004.

- Вахтин, Н. Б., Мустайоки, А. С., Протасова, Е. Ю.* Русские языки // Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova, Nikolai Vakhtin, eds. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. С. 5–17.
- Гельманенко, Н.* Восприятие иной культуры: прототипы и стереотипы. М.: Academia, 2010.
- Гудков, Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2002.
- Добрушина, Н. П.* Многоязычие в Дагестане, или Зачем человеку три языка // Социолингвистический журнал, 2007. № 1. С. 104–127.
- Ермакова, О. П., Земская, Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–157.
- Лазутова, М. Н., Тарасова, В. П., Михалюк И. Ф.* Трудные поиски общего языка (О функционировании русского языка в Содружестве независимых государств и странах Прибалтики). М.: Современный гуманитарный университет, 2002.
- Леонтович, О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005.
- Леонтович, О.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
- Млечко, Т. П.* Русский язык вне России: академическая норма и региональная специфика // Л. А. Вербицкая и др., ред. Русский язык и литература во времени и пространстве, XII Конгресс МАПРЯЛ. Том 2. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 269–281.
- Мустайоки, А.* К вопросу о соотношении языка и действительности // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 20–36.
- Мустайоки, А.* Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // Л. А. Вербицкая и др., ред. Русский язык и литература во времени и пространстве, XII Конгресс МАПРЯЛ. Том 2. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 269–281.
- Мустайоки, А., Протасова, Е.* Быть русским и говорить по-русски // А. Мустайоки, Е. Протасова, ред. Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Slavica Helsingiensia 24, 2004. С. 5–12.
- Пассов, Е. И., Кибирева Л. В., Колларова Э.* Концепция коммуникативно-го иноязычного образования. СПб.: Златоуст, 2007.
- Перехвальская, Е.* Русские пиджины. СПб.: Алетея, 2008.
- Привалова, И.* Интеркультура и вербальный знак. М.: Гнозис, 2005.

- Прохоров, Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Ком-Книга, 2006.
- Стернин, И. А.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные труды. Воронеж: Истоки, 2008.
- Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд. МГУ, 2004.
- Bell, A.* Language style as audience design // *Language in society*. 1984. Vol. 13. P. 145–204.
- Banks, S. P. et al.* Intercultural encounters and miscommunication // N. Coupland, H. Giles, J. M. Wieman, eds. “Miscommunication” and problematic talk. Sage: Newbury Park, 1991. P. 103–120.
- Bührig, K., ten Thije, J. D., eds.* Beyond misunderstanding: Linguistic analyses of intercultural communication. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2006.
- Canagarajah, A. S.* Negotiating the local in English as a lingua franca // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2006. Vol. 26. P. 197–218.
- Clark, H. H.* *Using Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Cogo, A., Dewey, M.* Efficiency in ELF communication. From pragmatic motives to lexico-grammatical innovation // *Nordic Journal of English Studies*. 2006. P. 59–93.
- Davies, A.* *The native speaker: Myth and reality*. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.
- Dewey, M.* English as a lingua franca: Heightened variability and theoretical implications // A. Mauranen, E. Ranta, eds. *English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 2009. P. 60–83.
- Eplay, N.* Solving the (real) other minds problem // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. N 2/3. P. 1455–1474.
- Firth, A.* The lingua franca factor // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 6. N 2. P. 147–170.
- Graddol, D.* English next: Why global English may mean the end of “English as a foreign language”. British Council, 2006.
- Grenoble, L.* Language policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic, 2003.
- Gundacker, J.* English as a lingua franca between couples: Motivations and limitations. Diplomarbeit. Universität Wien, 2010.
- Holtgraves, T.* Diverging interpretations associated with perspectives of the speaker and recipient in conversations // *Journal of Memory and Language*. 2006. Vol. 53. P. 551–566.

- House, J.* English as a lingua franca: A threat to multilingualism? // *Journal of Sociolinguistics*, 2003. Vol. 7. N 4. P. 556–578.
- Howe, S., Poteet, S., Hue, P., Kao, A., Giammanco, C.* Shared context-awareness: Minimizing and resolving miscommunication during coalition operations // *Proceedings of the 4th Annual Conference of the International Technology Alliance*, Imperial College, UK. P. 1–8.
- Hülmbauer, C.* «We don't take the right way, we just take the way that we think you will understand» — the shifting relationship between correctness and effectiveness in ELF // *A. Mauranen, E. Ranta, eds. English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 323–347.
- Jenkins, J.* (Un)pleasant? (In)correct? (Un)intelligible? ALF speakers perceptions of their accents // *A. Mauranen, E. Ranta, eds. English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 10–36.
- Kachru, B. B.* Standards and codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle // *R. Quirk, H. G. Widdowson, eds. English in the world: teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: University Press, 1985. P. 11–30.
- Kaur, J.* Pre-empting problems of understanding in English as a lingua franca // *A. Mauranen, E. Ranta, eds. English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 107–123.
- Kaur, J.* Intercultural communication in English as a lingua franca: Some sources of misunderstanding // *Intercultural Pragmatics*, 2011. Vol. 8. N 1. P. 93–116.
- Kecskes, I.* Formulaic language in English Lingua Franca // *I. Kecskes, L.R. Horn, eds. Explorations in pragmatics: linguistic, cognitive and intercultural aspects*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 191–218.
- Kecskes, I.* Dueling contexts: A dynamic model of meaning // *Journal of Pragmatics*. 2008. Vol. 40. P. 385–406.
- Keysar, B., Henly, A. S.* Speakers' overestimation of their effectiveness. *Psychological Science*. 2002. Vol. 13. P. 207–212.
- Kruger, J., Epley, N., Parker, J., Ng, Z.* Egocentrism over e-mail: can we communicate as well as we think // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 89. N 6. P. 925–936.
- Mauranen, A.* A rich domain of ELF: the ELFA Corpus of academic discourse // *Nordic Journal of English Studies*, Special Issue: English as a Lingua Franca. 2006a. Vol. 5. N 2. P. 145–159.
- Mauranen, A.* Signalling and preventing misunderstanding in English as lingua franca communication // *International Journal of Sociology of Language*. 2006b. Vol. 177. P. 123–150.

- Mustajoki, A.* Modelling of (mis)communication // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології: Megaling-2007. Київ: Довіра, 2008. P. 250–267.
- Mustajoki, A.* Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian // M. Lähteenmäki M. Vanhala-Aniszewski, eds. Language ideologies in transition multilingualism in Russia and Finland. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2010. P. 35–55.
- Mustajoki, A., Protassova, E., Vakhtin, N., eds.* Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian // Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino, 2010.
- Pavlenko, A.* Russian as a lingua franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2006. Vol. 26. P. 78–99.
- Pavlenko, A.* Multilingualism in post-Soviet countries: language revival, language removal, and sociolinguistic theory // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008a. Vol. 11. N 3–4. P. 275–314. (Published also in: Pavlenko A., ed. Multilingualism in Post-Soviet Countries. Bristol etc: Multilingual Matters, 2008. P. 1–40.)
- Pavlenko, A.* Russian in post-Soviet countries // Russian Linguistics. 2008b. Vol. 32. P. 59–80.
- Poteet, S. et al.* Words are mightier than swords... and yet miscommunication costs lives! // Proceedings of the Second Annual Conference of the International Technology Alliance. London, 2008.
- Phillipson, R.* English-only Europe? Challenging language policy. London: Routledge, 2003.
- Protassova, E.* Teaching Russian as a heritage language in Finland // Heritage Language Journal. 2008. N 2. P. 127–152.
- Rozina, G.* Cross-cultural pragmatics of interactional competence // Baltic Journal of English Language, Literature and Culture. 2011. Vol. 1. P. 53–60.
- Sacks, H., Schegloff, E. A.* Two preferences in the organisation of reference to persons in conversation and their interaction // G. Psathas, ed., Everyday Language: Studies in ethnomethodology. New York: Irvington, 1979. P. 15–21.
- Seidlhofer, B.* Towards making «Euro-English» a linguistic reality // K. Bolton, B. B. Kachru, eds. World Englishes. Critical Concepts in Linguistics. Volume III. London: Routledge, 2006. P. 47–50.
- Seidlhofer, B.* Common ground and different realities: world Englishes and English as a lingua franca. World Englishes, 2009. Vol. 28. N 2. P. 236–245.
- Sarangi, S.* Intercultural or not? Beyond celebration of cultural differences in miscommunication analysis // Pragmatics. 2009. Vol. 4. N 3. P. 409–427.

- Shea, D. P.* Perspective and production: structuring conversational participation across cultural borders // *Pragmatics*. 2009. Vol. 4. N 3. P. 357–389.
- Vershik, A.* Contacts of Russian in the post-Soviet space // *L. Wei, ed. Applied Linguistics Review*. 2010. P. 85–128.
- Shintel, H., Keysar, B.* Less is more: a minimalist account of joint action in communication // *Topics in Cognitive Science*. 2009. Vol. 1. P. 260–273.
- Weigand, E.* Linguists and their speakers // *Language Sciences*, 2010. Vol. 32. P. 536–544.
- Ylänne-McEwen, V., Coupland, N.* Accommodation Theory: A conceptual resource for intercultural sociolinguistics // *H. Spencer-Oatey, ed. Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures*. London; New York: Continuum, 2000. P. 191–214.